

Татьяна Усманова и Андрей Пивоваров в Бонне, Германия, 5 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

08.08.2024, 14:23

ИНТЕРВЬЮ

«Высушивает и делает каменной». Татьяна Усманова, жена политика Андрея Пивоварова — о свадьбе в колонии и поддержке мужа

Интервью с Татьяной Усмановой о том, каково это — добиться свадьбы в колонии, не оправдывать стереотипы и ожидания от жены политзаключенного и не знать наверняка, выйдет ли в срок из тюрьмы любимый человек. Ранее мы публиковали разговор с мужем Татьяны, политиком и бывшим политзаключенным Андреем Пивоваровым, которого освободили в рамках обмена заключенными между Россией и Западом.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

English version

— Почему вы решили пожениться, не дожидаясь выхода Андрея на свободу?

— Все время его заключения мне постоянно говорили судьи, приставы, следователи, прокуроры, что я ему никто. Слов «партнер» или «подруга» они не знают. Меня судья выгоняла из зала за то, что, по ее мнению, я улыбалась Андрею, а он улыбался мне в ответ.

Его задержали в мае 2021 года, летом 2022 года был приговор и еще через год, летом 2023 года, у нас была свадьба. И все это время, все эти два года, мы ни разу не виделись, кроме как на судах, и то издалека — Андрей был в клетке, а я, если меня пускали, сидела в зале. У нас не было ни одной встречи и ни одного звонка. В тот момент он еще не был официально осужден, и добиваться длительных свиданий по закону было невозможно, возможны короткие, но их не давали.

Когда Андрей попал в колонию в Сегеже (Карелия — *ОВД-Инфо*), мы перешли на новый этап борьбы с этой системой и поняли, что теперь можем требовать длительные свидания. Проблем с этим было две. Первая заключалась в том, что Андрей сидел в ПКТ, а тем, кто там содержится, никаких свиданий не дают, вторая — мы не были расписаны. Да, по закону, даже если люди не расписаны, они имеют право на свидание, но было очевидно, что в наших случаях никаких поблажек не будет.

Татьяна Усманова и Андрей Пивоваров в Бонне, Германия, 5 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

— Как вы решили расписаться?

— Никто никому не делал романтического предложения. Это просто невозможно, потому что наше общение минимизировано: письмо полтора месяца шло в одну сторону и полтора месяца — в обратную. Хорошо еще, если оно дойдет, а с огромной вероятностью еще и где-то потеряется. Это было абсолютно прагматичное решение. Когда я узнала, что Андрей в Сегеже, одним из первых писем я ему отправила распечатку о том, что такое свадьба в колонии. По этому письму мы и стали работать: он стал добиваться этого изнутри колонии, а я с адвокатами — снаружи, потому что колония не была заинтересована в том, чтобы мы расписались, хотя я не понимаю, какая им разница. Пришлось преодолеть довольно много препятствий, потому что они не хотели отдавать документы.

— Как и сколько вы боролись за эту возможность?

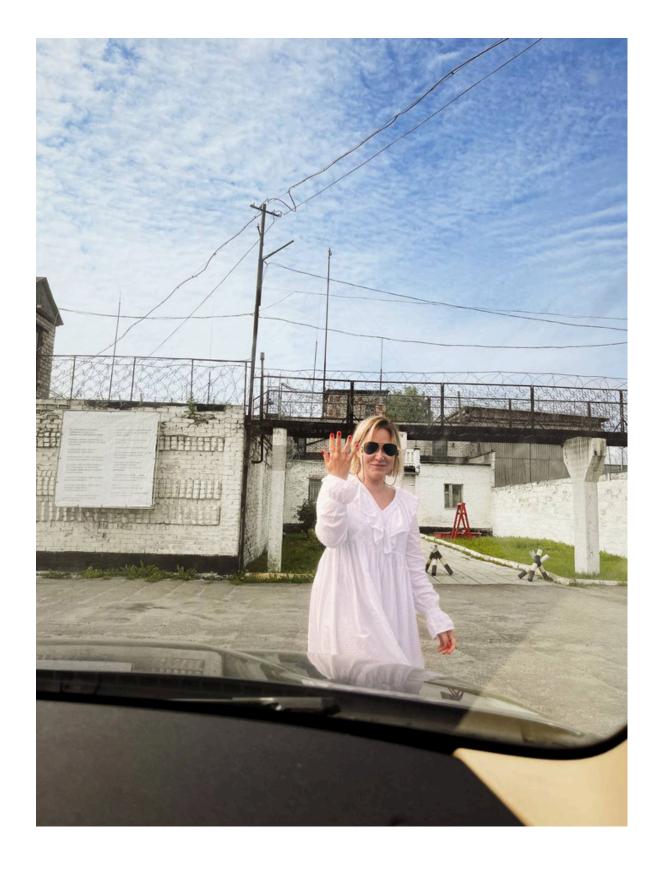
— Это продолжалось несколько месяцев, в большей степени борьба шла со стороны Андрея. Ты должен собрать базовый пакет документов, начальник колонии должен что-то подписать, потом я должна эти документы забрать, отнести в ЗАГС, назначить дату свадьбы, а в ЗАГСе заключенных расписывают в один день. То есть в ИК-7 всех расписывают в одну дату, которую ты не выбираешь. Например, 26 июля возможна свадьба, а потом — 29 августа. И ты должен за месяц до этой даты отдать им пул документов.

И Андрея стали мурыжить в колонии. Это же не как в обычной жизни, когда тебе нужна бумажка и ты ее можешь быстро достать — это не так. Тебе что-то не подписывают, а следующая встреча с начальником колонии возможна через полтора месяца, и только тогда можно обсудить все проблемы с документами. Ты не можешь подойти куда-то, постучать в окно и что-то получить. Он сидит в закрытой камере и ни с кем не может поговорить о том, что ему нужно скорее сделать.

Все бесконечно переносилось, в итоге у меня появился на руках некий пакет документов, я его привезла в сегежский ЗАГС, а мне там тетушки сказали: «То, что вы нам принесли, — это вообще не то. У вас тут этого не хватает, тут лишняя подпись, а здесь нужно две». И я поняла, что это уже все, я больше не могу. Я супер искренне с ними поговорила, сказала, что этих документов добиваюсь несколько месяцев: я вас очень прошу, мы абсолютно адекватные социальные люди, мы любим друг друга и хотим пожениться. Сложный разговор у нас состоялся.

— Это был срыв или ты пыталась рационально с ними разговаривать?

— Нет, конечно, никаких срывов я не могу себе позволить, потому что решаются судьбоносные вопросы, и не время расслабляться и предаваться истерике. В итоге мы пришли к консенсусу, они сказали, мол, окей, не хватает подписи — ничего страшного, мы приедем туда в день свадьбы, и он поставит недостающие подписи. Так и вышло.

Татьяна Усманова выходит из колонии в Сегеже после свадьбы, 26 июля 2023 года / Фото из личного архива

— Перед тобой стоял выбор, поддерживать или не поддерживать Андрея, когда его арестовали?

— Нет, конечно! Ну, а как, один из самых твоих родных людей оказался в заключении. Нет, у меня не было этого выбора

и не было даже минутки, когда бы я об этом задумывалась.

— Как эта поддержка выглядела?

— Это работа 24/7. Я всю свою жизнь работала пиарщиком, и для меня произошедшее с Андреем стало очень важной медиа-кампанией: я все это время общалась с журналистами, правозащитными организациями и делала все возможное, чтобы как можно больше людей узнали о той несправедливости, которая происходит.

13 на свободе, 1289 в тюрьме. Вы можете им помочь.

13 заключенных по политическим мотивам вышли на свободу, но более 1 200 по-прежнему находится в СИЗО или колонии. ОВД-Инфо защищает 100 человек по уголовным делам. Такие дела длятся годами и подзащитным нужна помощь на протяжении всего судебного процесса. Подпишитесь на пожертвования ОВД-Инфо, чтобы никто не остался один на один с системой.

ПОДПИСАТЬСЯ

- Есть ли некий образ жены политзаключенного, ожидания, которым нужно соответствовать? Существует, например, миф, что все политзаключенные святые люди уже только потому, что они выступили против власти. Как это сказывается на их близких?
- Думаю, это работает, когда речь идет о партнерах и партнерках. Мне кажется, есть ожидания, связанные с тем, что если твой любимый человек находится в заключении, ты должна грустно сидеть дома. Да, ты можешь бороться за его свободу, но веселиться не время и не место.

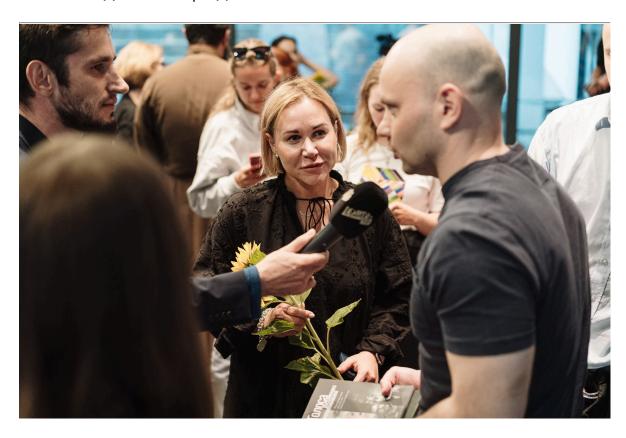
— Что думаешь про это?

— Может, я сама себе это придумала, у меня не было никаких разговоров с людьми, которые бы мне сказали «а вот мы думали, что ты не будешь ходить в красном, у тебя муж сидит, надо бы в черном!», как говорили Юле Навальной, которая вышла

получать Оскар, и на нее накинулись с тем, что у нее было платье не того цвета, и вообще Юля слишком красивая женщина, а ее муж сидит в тюрьме. Это безумие, стереотип, который меня ошарашил. Люди в паре сами должны решать, как строятся их отношения. Все-таки мы должны жить для себя и для своих семей, а не для того, чтобы оправдать чьи-то ожидания.

— Ты позволяла себе радоваться?

— Конечно. Это было сложновато, потому что общий фон у меня был довольно депрессивным, но я позволяла себе ходить в красном платье, встречаться с друзьями, куда-то ездить. Ты же должен быть сильным и по возможности спокойным, если хочешь кого-то поддерживать. Если ты будешь в раздрае, истерике и во внутреннем конфликте, ты ровно то же передашь человеку, который сидит в тюрьме. Как бы помогли Андрею мои письма о том, что вместо похода с подружкой в театр я решила остаться дома и порыдать?

Татьяна Усманова после пресс-конференции в Бонне, Германия, 1 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

— Как думаешь, как ты изменилась за эти почти четыре года?

— Думаю, я очень сильно повзрослела и стала еще более прагматичным и рациональным человеком, чем была раньше. Немного высушивает изнутри и делает тебя в чем-то каменной необходимость собирать передачки (это до сих пор вызывает оторопь, как вспоминаю — ком к горлу подкатывает), ездить с огромными сумками в СИЗО и колонии, бесконечно общаться с людьми из этой системы.

— Андрей говорил, что было совершенно неизвестно, освободят ли его на самом деле, ходили слухи про новые дела. Как ты со всем этим себя ощущала?

— С даты его ареста тревожность была постоянная — то по одному поводу, то по другому. Считанные недели до его освобождения тоже были очень тревожным временем. Я ждала Андрея, готовила квартиру к его освобождению, все там переставляла и мыла, в то же время понимала, что в России, чтобы завести уголовное дело, много не надо. Думала ли я о том, что на него могут завести новую уголовку, и он не выйдет 2 сентября? Я думала об этом день и ночь.

— Чем можно порадовать человека в изоляции, передавала ли ты что-то особенное, зная, что его это поддержит?

— Я против романтизации всей этой истории. По-хорошему, ты не можешь ничем человека порадовать. У тебя есть список разрешенных продуктов, которые ты можешь передавать, — радостного в них мало. У Андрея было, пока он находился в Сереже, три передачки в год по 20 килограмм. Мы обсуждали, чем будут заполнены каждые 100 грамм этой передачки, потому что лишней еды там нет, и я не могу положить туда вместо того, что ему нужно, что-то, что, как мне кажется, сделает его более счастливым. Это не сделает его более счастливым — это сделает его более раздраженным, потому что ему виднее, что ему надо. А время, чтобы радовать друг друга, наступает сейчас.

— Были ли за эти годы какие-то поворотные точки за все время этого ожидания?

— Приговор. Я очень переживала все время до приговора, когда этот день приближался. Было тяжело сначала узнать, сколько запросят, потом — тяжело узнать, сколько лет дали. Это было в Краснодаре, было очень жарко. Было очень тяжело еще и потому, что когда ты слышишь эти цифры, вы не проживаете эту боль дальше вместе — его уводят. И вы остаетесь с этими чувствами вдали друг от друга. И плюс нужно было собраться и дать еще 20 интервью до конца дня. Это очень тяжело. Мне даже не хочется об этом вспоминать.

Татьяна Усманова в Бонне, Германия, 5 августа 2024 года / Фото: Даша Трофимова для ОВД-Инфо

— Ты совсем не даешь себе времени прожить эти чувства?

— Для меня было очень важно сделать так, чтобы о деле Андрея узнало как можно больше людей. Для меня это было в приоритете. Потом оно приходило. Это же все растягивается очень надолго. Заточение учит тебя по-другому относиться

ко времени, оно растянуто, его очень много. У тебя есть очень длинные вечера и ночи, когда ты можешь все это проживать.

— Уже осознала, что освобождение Андрея, обмен — реальны?

— Все еще нет. Я хотела сказать «прошло сколько-то времени», но я не знаю, сколько времени прошло. Если ты меня спросишь, какой сейчас день, какого числа освободили Андрея, я тебе искренне скажу, клянусь, я не знаю. Я не представляю, когда это было. Я узнала о том, что он пропал из колонии в субботу 26 июля. Это последний день, который я четко помню, что было дальше — один длинный хороший и сложный день, который до сих пор не закончился.

Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

«Ощущение прыгнувшего на тебя мира». Интервью с политиком и бывшим политзаключенным Андреем Пивоваровым Из карельской колонии — в Германию.

Контакт с реальностью. Как занимался политикой, боролся с мошенниками и попал в тюрьму Андрей Пивоваров Оппозиционер Андрей Пивоваров получил четыре года колонии за посты, связанные с «Открытой Россией» Михаила Ходорковского.